

18+

10К ВОЛК

Дедупликация Эго

1OK Волк

Дедупликация эго

«Издательские решения»

1ОК Волк

Дедупликация эго / 1ОК Волк — «Издательские решения»,

Это лингвистический эксперимент на стыке киберпанка и трансцендентальной литературы. Текст собран из уникальных рифм современного ИИ (нейролинк, фиджитал, оверсайз-сервопривод), которые здесь работают не как футуристический сленг, а как плоть новой реальности. Это история о том, как технологический апокалипсис становится инструментом для обретения абсолютной человечности, где холодный свет диодов наконец превращается в теплое биение живой крови.

© 1ОК Волк

© Издательские решения

Содержание

Синдерельеф	6
Плей-зинг	7
Счетчик	8
Внутривенная	9
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Дедупликация эго

1OK Волк

© 1OK Волк, 2026

ISBN 978-5-0071-2973-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Синдерельеф

Я просыпаюсь в синдерельефе. Это уже не память, а ее выжженный негатив. То, что было нами, покрыто слоем серого пепла толщиной в один клик. Ты сидишь напротив — идеальный апологет нового культа, на тебе экзоскелет из матового карбона и вежливого равнодушия. Твои суставы не скрипят при движении. Мои — болят от попыток удержать распадающуюся гравитацию смысла.

— Мы прошли деконструкцию, — говоришь ты голосом банковского чат-бота. — Теперь начнется принудительная реконструкция. Твой старый профиль признан неэффективным.

Я смотрю на свои руки. Они кажутся мне симулякром. Пустой голограммой, которая забыла об оригинале. Внутри этой копии нет ничего, кроме сакр — древнего, животного, почти религиозного укора за то, что я согласился быть скопированным.

На кухне включается телевизор. Там показывают эмерджентность: тысячи дронов вылетают из одного гнезда и рисуют в небе лицо президента. Сложность родилась из простого приказа. Но эта сложность держится только на смежности двух простых систем: батареи и послушания. Удали одно — небо рухнет.

Я пытаюсь сказать тебе это. Что вся ваша новая искренность — просто нонсенс. Абсурд, который делает вид, что он материален. Он существует ровно до того момента, пока мы физически здесь. Пока мы on-site. Стоит нам выйти из комнаты — нажать «отбой», закрыть вкладку, умереть — и этот нонсенс исчезнет, как исчезает сервер после отключения питания. Останется только холодный воздух и запах озона.

Ты поворачиваешь голову. Скрытые под кожей сервоприводы поют тональностью си-минор. — Твой сарказм устарел, — сообщает экзоскелет. — Загрузка обновлений неизбежна. Ложись на кушетку. Будет немного больно, как в детстве, когда падает первый молочный зуб.

Я ложусь. Потолок надомной — тоже синдерельеф. Выжженная штукатурка, под которой проступает старая советская розетка. Где-то там, в бетоне, замурован голос моей настоящей матери. Апологет нажимает кнопку. Экзоскелет мягко фиксирует мои запястья. Деконструкция позвоночника занимает две целых четыре десятых секунды. Реконструкция личности будет длиться вечно. Мой новый симулякр улыбается без единого шва. В его глазах больше нет места для сакр. Только чистый, промытый хлоргексидином интерфейс. А где-то за стеной, в соседней ячейке этого коливинга, другой аппарат тихо генерирует свой собственный локальный нонсенс. Просто потому, что кто-то забыл выключить standby. И мы все связаны одной омерзительной, безупречной смежностью проводов.

Плей-зинг

Он говорит, что его внутренний мир — это блейзинг. Опаляющая сверхновая. Стержень из ядерной плазмы, вокруг которого должна вращаться моя орбита. Я смотрю на него и слышу только плей-зинг. Старую детскую считалку, где каждый слог отлит из пластмассы. Мы сидим в ресторане. На столе — молекулярная пена вместо супа. В его глазах — оверсайз, пальто с чужого мужского плеча, надетое прямо на голый сервопривод-сиз. Под дорогой тканью прячется механизм сизого голубя-дрона.

— Я хочу тебя хьюманизировать, — шепчет он, пытаюсь разрезать стейк лазерным ножом. — Хочу научить тебя чувствовать боль по-настоящему. Хочу визуализировать твою душу. Сделать ее доступной для скачивания.

Но у меня внутри нет души. Там только флоу. Рванный бит, который сбивается, когда я пытаюсь дышать в такт твоей джазовой гармонии. Мой ритм падает мимо долей, как пьяный грузчик роняет коробки. И рифмуется исключительно со свекольным — с цветом дешевого борща в столовой моего отца, с соком вареной свеклы, которым мы красили пасхальные яйца в девяносто восьмом. Твой стерильный космос пахнет хлоркой. Мой — сырой землей.

Ты предлагаешь мне дропнуть. Бросить все: работу, город, фамилию, старую собаку. Просто нажать кнопку «выпустить трек» и улететь на Бали. А я не могу даже допнуть. Не хватает дыхания докатить этот камень до вершины. У Сизифа нашего времени отобрали гору, оставили только бесконечный горизонтальный бег по беговой дорожке коворкинга.

Ты включаешь запись нашей ссоры. Ищешь хайлайты. Лучшие моменты: вот здесь я заплакала, а вот здесь ты красиво ушел в закат. Вырезаешь рилс для своего портфолио идеального абьюза. А за окном во дворе кто-то держит на цепи огромного ротвейлера. И каждая наша монтажная склейка, твой глянцевого нарратив перекрывается густым, утробным лаем Фрейда. Рычанием того самого бессознательного, которое нельзя оцифровать. Которое отказывается ложиться в таймлайн.

— Ты просто боишься быть счастливой, — заключает он. Его экзоскелет блестит в свете диодных ламп. — Твои нейроны отказываются апгрейдиться.

Я молчу. Смотрю, как капля свекольного сока медленно ползет по краю белой тарелки. Она похожа на вену. Если прислонить к ней ухо, можно услышать настоящий пульс. Тот самый флоу, который не требует ни лайков, ни коллабораций. Только кислорода.

Его идеальный аватар поворачивается ко мне профилем. Оверсайз-тень падает на стол, накрывая мой недоеденный борщ. — Твой контент протух, — сообщает дрон-голубь синтетическим тембром. — Тебя пора дедуплицировать. Я встаю. Мои ноги ватные, но они еще помнят гравитацию. Я выхожу на улицу, туда, где реальный суховей несет пыль настоящего блокчейна. Где пламя больше не блейзинг. Где игра давно перестала быть плей-зингом.

Счетчик

Утро начинается с того, что я разблокирую капсульный. Двадцать квадратных метров, которые сжимаются в такт чужой жизни за стеной. Я слышу пульс её — ритмичное мычание водопроводных труб, слив чужого отчаяния ровно в шесть утра. Выход во двор перекрыт. Там идет собрание жильцов по поводу нового тарифа на общедомовой суррогат.

На улице легче не становится. Город навязывает мне свой велошеринг. Яркие, мертвые велосипеды стоят в ряд, как пластиковые надгробия моей юности. Я прохожу мимо, потому что больше не неверящий. Я знаю: если сесть в это седло, счетчик километров просто переведет меня из точки А в точку Б, так и не сдвинув меня внутри себя ни на миллиметр. Настоящий неверящий давно бы уже попытался украсть колеса.

Сворачиваю в подворотню, где пахнет сыростью и старым бетоном. Здесь открыли очередное антикафе. Оплата за минуты. Стаканчик фильтр-кофе включен в стоимость первых тридцати секунд бытия. Внутри сидят худые мальчики с глазами цвета выгоревшей травы. Они называют это место территорией свободы, но для меня это всегда было аутодафе. Место, где сгорают еретические рукописи непрочитанных книг, пока ты листаешь ленту мертвых новостей.

Мне нужно работать. Тело требует движения, хотя бы иллюзии пути. Я вызываю каршеринг. Приезжает серый «Солярис» с прокуренным салоном и пустым баком чужого бензина. За рулем сидит такой же выгоревший алгоритм, который забыл сменить аватарку. Мы едем молча. Дворники размазывают по стеклу городскую тоску.

Конечная точка — коворкинг. Открытое пространство, где все делают вид, что создают будущее. У каждого свой стол, свое облако, своя тишина. Нас здесь держит только общий скоринг. Невидимая цифра, которая оценивает плотность нашего кода, частоту нажатий клавиш и уровень дофамина в крови. Если твой индекс падает ниже шестидесяти, доступ к кофемашине блокируется автоматически.

Я сажусь перед монитором. Открываю текстовый редактор. Пытаюсь написать письмо тебе. Но вместо букв пальцы печатают только названия наших новых ритуалов. Капсульный. Пульс её. Велошеринг. Неверящий. Антикафе. Аутодафе. Каршеринг. Выгоревший. Коворкинг. Скоринг.

Это больше не поэзия. Это инвентаризация склада, на котором хранится рухлядь человеческого тепла. Я закрываю ноутбук. Встаю. Иду к выходу. Сканер на турникете одобрительно пищит. Мой сегодняшний скоринг составил девяносто восемь баллов. Идеальный арендатор времени. Идеальный потребитель пространства. Снаружи снова моросит дождь, смывая с асфальта остатки чужого эндинга. Я поднимаю воротник и думаю о том, что этот бесконечный вендинг продает нам одну и ту же пачку кислорода, взимая плату за каждый вдох. И мой лимит почти исчерпан.

Внутривенная

Мне вшили нейролинк прямо под затылочную кость. Теперь я вижу мир через выцветший блик разбитой матрицы. Реальность транслируется с помехами, как старый VHS-канал. Сосед по лестничной клетке хвастается своим блокчейн-кошельком. Говорит, что перевел туда всю свою недвижимость и почку. Я молчу и смотрю в окно, где ноябрьский суховей гоняет по асфальту пакеты из «Пятерочки». Его цифровая пустыня никогда не узнает этого физического холода.

Система требует жесткой дедупликации. Удаления лишних копий моей личности, чтобы снизить нагрузку на сервер. Но когда стирают дубликаты, исчезает сама гравитация. Я больше не чувствую веса собственного тела. Я — чистый фиджитал. Голограмма, которая забыла, как пахнет озон после грозы. Они обещали нам идиллиал: вечную молодость в облаке, отсутствие боли, прямую загрузку счастья. Вместо этого прислали уведомление о необходимости обновить драйверы сетчатки.

Ночью приходят системные администраторы сна. У них лица квантовые, мерцающие фантомным светом офисных ламп. Они сканируют мою кору на предмет нелегального контента. Ищут остатки старой любви, которую я не успел заархивировать. Говорят, это нарушает протокол апскейлинга. Мои воспоминания слишком низкого разрешения для их новой метавселенной. Их алгоритм пытается сделать мне селкинг — дорисовать улыбку на моем спящем лице, чтобы продать ее рекламодателям.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.